

Кафедра классической филологии ЛГУ в довоенное и послевоенное время*

Артем Михайлович Скворцов

Санкт-Петербургский филиал Института
истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 5;
artyom-skvorcov@yandex.ru

Для цитирования: Скворцов А. М. Кафедра классической филологии ЛГУ в довоенное и послевоенное время. *Philologia Classica* 2022, 17 (1), 159–172. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2022.113>

В статье анализируется период в истории кафедры классической филологии Ленинградского университета с 1938 по 1946 гг., за исключением военного времени (1942–1944 гг.), когда кафедра находилась в эвакуации в Саратове. Привлечена делопроизводственная документация из архивных фондов (Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга и Объединенный архив СПбГУ) и мемуарные свидетельства (главным образом О. М. Фрейденберг). Анализ учебного плана кафедры, введенного в 1938 г., позволил сделать вывод о комплексной историко-филологической подготовке студентов отделения, уходящей корнями еще в дореволюционное время. Установлено, что политика заведующей кафедрой О. М. Фрейденберг по продвижению молодых кадров на кафедру (с передачей им учебных курсов, не всегда рационально обоснованной, на основном отделении) способствовала созданию конфликтной ситуации, которая вылилась в публичное обсуждение в мае 1946 г. на ученом совете возглавляемого ею подразделения. Это заседание не следует относить к разряду идеологических кампаний: оно имело под собой основание в виде профессиональных разногласий. Скандальность же защит Б. Л. Галеркиной и Н. В. Вулих была обусловлена не столько личностными мотивами, сколько научными различиями во взглядах на задачи классической филологии между О. М. Фрейденберг и представителями «старой» школы. Сами же диссертации оказались наспех выполненными, причиной чему явилась материальная сторона.

Ключевые слова: история классической филологии, кафедра классической филологии ЛГУ, высшее образование в СССР, филологический факультет ЛГУ.

Выбранные для статьи хронологические рамки объясняются следующими обстоятельствами. Во-первых, история высшего образования в военное время должна изучаться отдельно с учетом изменившейся законодательной базы и с привлечением региональной архивной документации, сохранившейся в тех городах, куда были эвакуированы ведущие университеты Советского Союза. Во-вторых, на рубеже 1930–1940-х гг. закончилось (вос)становление ленинградской кафедры

* Выражаю благодарность Н. Ю. Костенко (РГУ) за предоставленный доступ к неопубликованным мемуарным запискам О. М. Фрейденберг и материалам по истории кафедры классической филологии ЛИФЛИ/ЛГУ, а также Л. Я. Жмудю за консультации по ряду вопросов истории кафедры.

классической филологии. В 1937 г. был закрыт ЛИФЛИ, и кафедра снова стала составной частью Ленинградского университета. В 1937 и 1938 гг. осуществлены первые выпуски советских филологов-классиков, открыта аспирантура. В отчете за 1940 г. О. М. Фрейденберг отметила, что на кафедре сформировалось три научных направления: 1) изучение проблем происхождения греческого народного эпоса (руководитель — О. М. Фрейденберг); 2) подготовка к изданию «Поэтики» Аристотеля (руководитель — И. И. Толстой); 3) вопросы латинского синтаксиса (руководитель — И. М. Тронский).¹ И если бы не война, это поступательное развитие было бы продолжено. Наконец, в-третьих, после реэвакуации университета О. М. Фрейденберг стремилась воссоздать кафедру на прежних основаниях, однако этому мешали профессиональные разногласия, межличностные конфликты и целый ряд идеологических кампаний, пик которых пришелся на конец 1940-х гг.

Итак, в 1937 г. кафедра снова оказалась в Ленинградском университете. В это же время в высших учебных заведениях Советского Союза была введена штатно-окладная система оплаты труда вместо почасовой оплаты, закреплявшая преподавателей за конкретными вузами. О. М. Фрейденберг переживала, что «поручения полетят»,² то есть значительно уменьшатся часы и, как следствие, профессорско-преподавательский состав кафедры. Однако был сохранен костяк кафедры, к которому относились сама Фрейденберг, А. В. Болдырев, Я. М. Боровский, С. В. Меликова-Толстая, И. И. Толстой, И. М. Тронский. Также удалось привлечь к преподаванию новые силы. В 1937 г. за кафедрой числились 22 ставки, но вскоре, в 1938 г., в связи с передачей межфакультетского курса по элементарному латинскому языку на исторический факультет,³ осталось две ставки профессора (О. М. Фрейденберг, И. И. Толстой), пять доцентских ставок (А. В. Болдырев, Я. М. Боровский, С. В. Меликова-Толстая, И. М. Тронский, М. Е. Сергеенко) и четыре ассистентских (Б. Л. Галеркина, О. А. Гутан, А. К. Служалова, Т. Н. Чикалина).⁴

Ассистентские ставки были заняты первыми выпускниками кафедры. Два первых набора на классическое отделение ЛИФЛИ (примерно 20 человек) дали в итоге 14 специалистов,⁵ из которых 11 остались в университете — они либо сразу были оформлены на работу, либо в последующие годы. Трое поступили в аспирантуру: двое по античной литературе — Н. В. Морева-Вулих, С. В. Полякова; один по лингвистике — Ф. Г. Яковиди. Документы свидетельствуют о настойчивом желании О. М. Фрейденберг расширить присутствие молодых педагогов на кафедре. В ее архиве сохранились написанные от руки штатные расписания, где имеются подсчеты количества «молодых» преподавателей. При этом их учебные поручения включали не только межфакультетские курсы латинского языка, что кажется вполне логичным для вчерашних выпускников, но и основные дисциплины на классическом отделении. Так, в первом семестре 1939/1940 учебного года Т. Н. Чикалина вела ла-

¹ Отчет о деятельности 1941, 156–157.

² РГАЛИ. Ф. 3275. Оп. 1. Д. 76. Л. 13–12 об.

³ Решение не брать часы латинского языка по историческому факультету на кафедру классической филологии исходило от О. М. Фрейденберг и явилось следствием конфликта с руководством исторического факультета, причины которого выяснить не удалось: Фрейденберг О. М. Заявление декану истфака ЛГУ от 11.04.1938 г. // Архив О. М. Фрейденберг, Москва. Л. 00.

⁴ Фрейденберг 2000, 121–122.

⁵ В 1934 и 1935 гг. приема первокурсников на отделение не осуществлялось, поэтому в 1939 и 1940 гг. выпуски не производились.

тинский язык у филологов-классиков,⁶ она же во втором семестре проводила у них занятия по древнегреческому языку⁷. С 1938/1939 учебного года курс по истории древнегреческого языка от И. И. Толстого передан Ф. Г. Яковиди⁸ — об этом выпуснике кафедры отсутствует какая-либо литература, поэтому остановимся на некоторых аспектах его биографии и научного творчества подробнее.

Филипп Григорьевич Яковиди (1905–1942) учился на классическом отделении в 1932–1937 гг.; в 1937 г. оставлен на кафедре ассистентом и в этом же году поступил в аспирантуру (научный руководитель О. М. Фрейденберг). В диссертации «Инфинитивные конструкции в греческом языке», которая так и не была окончена, он доказывал ошибочность взгляда на греческий язык как индоевропейский; якобы «греческий язык прошел яфетическую стадию глоттогонического процесса».⁹ О. М. Фрейденберг стремилась взрастить в его лице необходимого для кафедры специалиста лингвиста-классика, однако ее надежд аспирант не оправдал. Интересно, что в личной переписке с С. В. Поляковой она дает своему ученику весьма отрицательные характеристики: «Филипп надоел мне своим болванством», «диссертация Филиппа ввергает меня в беспокойство, но сам он полон царственной безмятежности».¹⁰ Студенты, у которых Яковиди преподавал, жаловались на его специфическое произношение греческих слов и внешний вид.¹¹ Несмотря на такое положение дел, в официальных отзывах О. М. Фрейденберг подчеркивает успехи своего подопечного: «успешно и своевременно закончил всю аспирантскую учебу», «т. Яковиди — растущий молодой специалист... смело и по-новому ставящий актуальные для советской классики проблемы. Он умеет сочетать прекрасное знание античных языков с интересом к научной работе... т. Яковиди представляет собой пример настоящего... специалиста советского типа».¹² Из писем Ф. Г. Яковиди С. В. Поляковой самого начала 1940-х гг. становится ясно, что его мало интересовали научные занятия, в большей же степени — литературное творчество, которому он и посвящал львиную долю своего времени.¹³

Обратим внимание на учебный план, введенный в 1938 г. вследствие публикации «Краткого курса Истории ВКП(б)». Его структура предполагала четкий набор общественных дисциплин в течение шести семестров (политэкономия, диалектический материализм, ленинизм) и некоторое число смежных для специальности курсов, определяемых решением кафедры. Среди последних обязательным был

⁶ Чикалина Татьяна Николаевна (1909–1944) училась на классическом отделении в 1932–1937 гг.; в 1937 г. оставлена на кафедре ассистентом; в 1940 г. поступила в аспирантуру; будучи в эвакуации в Саратове в 1944 г. защитила кандидатскую диссертацию «Структура предложения в памятниках древнейшего римского права» (научный руководитель И. М. Тронский).

⁷ Личное дело Ю. Х. Копелевич // Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1. Оп. личных дел студентов. Д. 203. Л. 14, 15.

⁸ Ботвинник 1997, 103.

⁹ Личное дело Ф. Г. Яковиди // Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1. Оп. личных дел профессорско-преподавательского состава. Св. 84. Д. 2261. Л. 12.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 3275. Оп. 1. Д. 76. Л. 51, 59 об.

¹¹ О. М. Фрейденберг пишет по этому поводу: «Что до Филиппа, то он получил ко мне путевку, ходит на занятия без галстука, в белой косоворотке, и студенты в беспамьятстве от его произношения, превышающего льготы среднего греческого. Поступили первые жалобы. Я завела папку» (РГАЛИ. Ф. 3275. Оп. 1. Д. 76. Л. 72–72 об.).

¹² Личное дело Ф. Г. Яковиди // Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1. Оп. личных дел профессорско-преподавательского состава. Св. 84. Д. 2261. Л. 11, 11 об., 12 об.

¹³ РГАЛИ. Ф. 3275. Ф. 1. Д. 81. Л. 4.

курс античного искусства, остальные же были отнесены к разряду факультативов и не заносились в зачетную книжку (история литературы Древнего Востока, византийская литература, средневековая литература, палеография и папирология, санскрит, второй язык).¹⁴ Обращает на себя внимание сохранение в учебном плане большого объема исторических дисциплин. Если на основные курсы «Латинский язык и авторы», «Греческий язык и авторы» на весь период обучения выделялось по 794 аудиторных часа, то на различные исторические курсы — 728 часов, из них треть — древняя история (264), треть — средневековая и новая (264) и чуть меньше трети — история СССР (200). На наш взгляд, эти данные свидетельствуют о попытке следования еще дореволюционным традициям историко-филологических факультетов и представлении об антиковедении как комплексной филологической и исторической дисциплине. Кстати, такая тенденция просматривается и в отношении других специализаций филологического факультета — русского языка и литературы, западноевропейских литератур. Значительное место в учебных планах и здесь занимают исторические дисциплины. Поэтому неудивительно, например, что Ю. Х. Копелевич, выпускница кафедры 1947 г., после защиты филологической диссертации о Ювенале работала с середины 1950-х гг. в академическом историческом институте.

Исходя из сказанного, логичным выглядит одно из предложений С. Я. Лурье. Когда в 1954/1955 учебном году возникла необходимость введения второй специальности для «классиков» с целью их успешного трудоустройства после окончания университетской программы, Лурье в письме Б. В. Казанскому предложил отделению готовить одновременно и филологов-классиков, и историков-антиковедов. Воплощение такого предложения, по его мнению, не привело бы к кардинальным изменениям в программе подготовки¹⁵. Конечно, проект изначально был неосуществим, так как не решал проблему занятости выпускников кафедры, увеличения для них сфер реализации своего образования, но сама идея выглядит довольно обоснованно с точки зрения существующего набора дисциплин в учебном плане.

Обращает на себя внимание и большое внимание в учебном плане и к современному иностранному языку (528 ч.) — нагрузка, сопоставимая с основным курсом, что действительно позволяло знать современный европейский язык на достойном уровне. Не случайно, с конца 1940-х гг. некоторое время диплом филолога-классика позволял преподавать и современный иностранный язык.

Политика О. М. Фрейденберг, направленная на максимально возможное привлечение молодых кадров, продолжилась и после возвращения университета из эвакуации. В годы войны умерли С. В. Меликова-Толстая, Т. Н. Чикалина, Ф. Г. Яковиди. Количество ассистентских ставок после войны увеличилось до 14, что позволило привлечь к работе на кафедре как выпускников классического отделения (Е. Л. Мисевру, Н. А. Чистякову), так и выпускников других специальностей. Очевидно стремление О. М. Фрейденберг закрепить своих учениц за кафедрой (С. В. Полякову, Б. Л. Галеркину, О. А. Гутан и др.), создать круг единомышленников. Она так характеризовала свою деятельность: «С огромным пылом я растила

¹⁴ Пятилетние учебные планы кафедры (отделения) классических языков ЛИЛИ, ЛИФЛИ, ЛГУ. 1932– 938. Л. 00 // Архив О. М. Фрейденберг, Москва). Л. 00.

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 1393. Д. 656. Л. 11.

молодежь»,¹⁶ — противопоставляя себя другим коллегам, которые, по ее словам, «уклонялись от дележа знаний», желая «быть единственными и незаменимыми».¹⁷ В приведенных строчках чувствуется обособленность О. М. Фрейденберг от коллег по кафедре, их неодобрение ее занятий. В другом месте своих мемуаров она признается: «Я жаждала вырваться из оков кафедры, чтоб не читать ей своих работ и не выслушивать ее суждений: между нами, кроме преподавательской работы... ничего не было общего».¹⁸

Действительно, О. М. Фрейденберг и по методу исследования, и по способу обучения студентов отличалась от традиционной петербургской филологической школы. Коллеги считали выдвинутые ею идеи бесосновательными, а способ обучения студентов неправильным. Так, преподавание древних языков велось на кафедре тремя методами — стартарным, курсорным и академическим чтением.¹⁹ Последний применял, например, И. И. Толстой, который устраивал мастер-класс по переводу и комментарию греческого автора: профессор сам читал, переводил и комментировал текст. В 1930-е гг. занятия И. И. Толстого пользовались большой популярностью среди студенчества. Его практики по чтению греческих авторов, по воспоминаниям А. С. Шофмана,²⁰ сопровождавшиеся подробным историко-грамматическим комментарием, были одними из самых поучительных и интереснейших,²¹ а в отношении лекций по истории литературы в памяти мемуариста «осталось красочное и незабываемое изложение литературных достоинств гомеровских поэм», что исполнялось «мастерски и неповторимо», благодаря чему «каждая лекция Ивана Ивановича Толстого становилась событием».²² Послевоенные же годы были не самыми лучшими в педагогической карьере профессора: уже в годах, тяжело переживший смерть жены и эвакуацию, он часто болел, и лишь «временами [в ходе лекции] глаза его загорались, изложение становилось увлекательным и оживленным, а лекционный материал перемежался личными воспоминаниями и отступлениями».²³

Более распространенным и одновременно старейшим способом преподавания было стартарное чтение — медленное изучение текста древнего автора с подробным грамматическим и реальным комментарием при максимальном задействовании в этом процессе студентов; оно прививало начинающему исследователю внимательность и учет мельчайших деталей.

Курсорное же чтение представляет собой беглое изучение авторов («чтение большими дозами»). Так, например, О. М. Фрейденберг, практиковавшая этот метод, раздавала студентам разные отрывки текстов с тем, чтобы каждый отвечал за свою часть. В результате за курс удавалось прочитать текст целиком и оставалось

¹⁶ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 11 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 156. Folder 4. [Л. 47].

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же [Л. 48].

¹⁹ Фрейденберг О. М. Пятнадцать лет: [статья к юбилею кафедры классической филологии ЛГУ]. 1947 // Архив О. М. Фрейденберг. Москва. Л. 2.

²⁰ А. С. Шофман обучался на классическом отделении ЛГУ в 1933–1938 гг.

²¹ Шофман 2009, 376–378.

²² Шофман 2009, 375.

²³ Из воспоминаний Я. Н. Любарского, студента 1946–1951 гг.: Любарский 2004, 57.

время на студенческие доклады и обсуждение теоретических вопросов.²⁴ Сама О. М. Фрейденберг так говорит о различиях в педагогических приемах:

Четвертый курс [речь о 1948 г. — А. С.] был для меня подготовлен Соней [С. В. Поляковой — А. С.], которая отдала много сил, чтоб посеять в студентах отвращение к научной пошлости. Я комментировала «Пир» Платона и вела семинарий по греческой лирике. Студенты были хорошие. Они впервые познакомились, слушая меня, с синтетическим толкованием автора. До сих пор, у Лурье и Тронского, они проходили «антикварный» комментарий, относившийся к отдельным словами и «местам». Через все мое толкование проводилась единая мысль, охватывавшая весь памятник в целом.²⁵

Другими словами, для О. М. Фрейденберг традиционный взгляд на классическую филологию представлялся «узким», основанным, как она считала, на безыдейном антикварно-грамматическом разборе текстов. Наука же, по ее мнению, должна была ставить и решать широкие теоретические проблемы, которые, скорее, относятся к разряду философии либо современной культурологии.²⁶ Такой ракурс и масштабность постановки исследовательских вопросов оставался неприемлемым для приверженцев строгой классической науки.

По воспоминаниям Я. Н. Любарского (студента 1946–1951 гг.), научный подход Фрейденберг не имел сочувствия среди студентов. Известный в будущем византист писал: «По-моему, лишь один студент того времени (Л. Голодников) находился в ее «научном фарватере».²⁷ Скорее всего, Я. Н. Любарский несколько преувеличивает и передает более позднее восприятие О. М. Фрейденберг, преломленное через его личный и научный опыт. Заметим, что сам Любарский защитил дипломную работу «“Экклезиасты” и “Плутос” — новый тип социально-обличительной комедии Аристофана» именно под руководством Фрейденберг. Она же была руководителем, например, сокурсницы Любарского Я. А. Новицкой («Идейное содержание “Проксительниц” Эсхила»). По Аристофану же Любарский подготовил и кандидатскую диссертацию (руководствуясь, вероятно, подходом своего учителя), не проходя обучение в аспирантуре и работая в Педагогическом институте в Великих Луках. Предпринятые им попытки получить ученую степень за эту работу сначала в ЛГУ, затем в МГУ оказались безуспешными. По словам Ю. А. Клейнера, Я. Н. Любарский не любил вспоминать свою филологическую диссертацию, говоря, что «подход был неверный, как и тема».²⁸ Вот как отозвался о представленном на кафедру труде ее тогдашний заведующий А. И. Доватур в письме А. Н. Попову от 17 июня 1958 г.:

«Любарский имел намерение представить свою диссертацию (назовем так это писание) в Ленинградский университет. Те части этого сочинения, которые были предварительно напечатаны, я прочитал и нашел их неудовлетворительными. Ничего не может быть проще, как закрыть глаза на какие-нибудь существенные части явления и затем делать “открытия”. Если бы, например, я пожелал игнорировать все те места

²⁴ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 29 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 157. Folder 4. [Л. 1–1 об.].

²⁵ Там же.

²⁶ Н. В. Брагинская назвала Фрейденберг «философом культуры»: Брагинская 2017, 31.

²⁷ Любарский 2004, 53.

²⁸ Клейнер 2017, 286.

в сочиненных письмах Цицерона, где отражено враждебное отношение автора к Цезарю и триумвирам, то было бы отнюдь не трудно обосновать “новую” точку зрения на Цицерона как на цезарианца. Такого именно типа все мнимо-новое, что хочет внести в науку Любарский».²⁹

После отрицательного отзыва А. И. Доватура (справедливости ради отметим, что не только его) Я. Н. Любарский попытался защититься в Москве. Для А. Н. Попова, заведующего кафедрой в МГУ, это стало неожиданностью, и он решил проконсультироваться с А. И. Доватуром, который и охарактеризовал как само исследование, так и личные качества соискателя крайне отрицательно.³⁰ Поэтому трудно согласиться с Ю. А. Клейнером, что диссертация по Аристофану не была защищена «по причинам, не имеющим отношение к науке», при этом сами эти причины не называются в статье.³¹

Обозначившиеся внутренние проблемы кафедры стали предметом публичного обсуждения. На майском заседании ученого совета филологического факультета ЛГУ 1946 г. был поставлен вопрос о работе кафедры классической филологии и лично — заведующей кафедрой. О. М. Фрейденберг так характеризовала само мероприятие:

Итак, заседание ученого совета — публичное! Это сразу говорило мне, что предстоит проработка, — средневековый ритуал, в котором телесное уничтожение заменялось моральным убийством. Главные его составные части — прения, публичный позор, до пределов доведенное травмирование, служебная и общественная (как результат, или, как принято было формулировать, «оргвыводы») травля. [...] Я понимала историческое значение происходящего: меня, ученого, профессора, доктора наук, организатора кафедры, подвергали публичному обесчещиванию. [...] Было людей до отказа. Присутствовала вся кафедра при бичевании ее руководителя, который должен был подвергнуться жестокому акту — лишению престижа. Сидели мои ученики, молодежь, студенты, аспиранты. Сидели партийцы, агенты тайной службы, уши ректора и другие части его тела. Сидели, в качестве последних статистов, верней, бутафории — члены Ученого Совета факультета.³²

Заметим, что заседание ученого совета проходило до публикации знаменитого постановления оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г.,³³ а значит, не может быть охарактеризовано как часть общей идеологической кампании. К тому же «идеологические» мероприятия были, как правило, полностью срежиссированы: определялись заранее и выступающие, и выводы в отношении прорабатываемого. В данном же случае после доклада заведующей кафедрой об итогах работы подразделения за последние 14 лет воцарилось молча-

²⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 17. Оп. 3. Д. 143. Л. 2 об.

³⁰ В частности, А. И. Доватур написал А. Н. Попову, что Я. Н. Любарским был пущен слух, якобы «Московский университет дал самые лестные отзывы о [его] творении и без всяких возражений допустил его к защите» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 17. Оп. 3. Д. 143. Л. 3).

³¹ Клейнер 2017, 286.

³² Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 24 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 157. Folder 1. [Л. 9 об.-10 об.].

³³ О влиянии постановления на работу филологического факультета ЛГУ см.: Дружинин 2012, 410–504.

ние, а в конце заседания никакой резолюции не последовало. Вот как описывает ситуацию О. М. Фрейденберг:

«Декан предложил задавать мне вопросы. Все молчали. Декан предложил высказываться. Все молчали. Он стал поименно вызывать ораторов... Минута неловкости. Тогда начинает говорить сам декан. Он растерян и недоволен, не находит тона и выражений».³⁴

Когда же, наконец, слово взял И. И. Толстой, то он, отметив несомненные достоинства О. М. Фрейденберг как организатора, высказался о проблеме распределения учебной нагрузки. Он критиковал стремление руководителя кафедры продвигать молодые кадры за счет старых, поскольку «курсы, читаемые молодыми, недоброкачественны, а, между тем, на кафедре ведь есть “крупные силы”». ³⁵ В приоритете, считал академик, должны быть имеющие большой опыт преподаватели, в особенности это касалось спецкурсов и спецсеминаров у филологов-классиков. Докладчица парировала: по ее мнению, «расстановка сил» в учебном процессе — главная обязанность заведующей кафедрой, за что лично она несет ответственность. Несмотря на высказанный принцип, она все же пошла на уступки (что, кстати, не отражено в ее мемуарах). Так, Я. Н. Любарский в своих воспоминаниях сожалеет, что его курсу, набора 1946 г., повезло значительно меньше, чем следующим первокурсникам, у которых латинский язык преподавал уже И. М. Тронский, а древнегреческий — С. Я. Лурье.³⁶

Сама же О. М. Фрейденберг во второй половине 1940-х гг. уже берет на себя меньше учебной нагрузки, в отличие от 1930-х гг., когда она читала целый ряд лекционных курсов, практических занятий, проводила кружки по переводу Гомера и Феофраста. Судя по ее мемуарам, она оказалась поглощена административной работой на кафедре (бюрократизация учебного процесса в это время значительно усилилась) и отвлечена от преподавания бесконечными склоками и «проработками»; практически ничего не рассказывая об учебном процессе и студентах, автор приводит много свидетельств о нерабочей атмосфере на факультете. В письме Б. Пастернаку от 29 июня 1946 г. она напишет, что ее окружают доносчики и интриганы.³⁷ Неоднократные попытки уйти с поста заведующей³⁸ или уменьшить свое присутствие на кафедре ни к чему не приводили. По словам Фрейденберг, ее постоянно отговаривало от этого шага руководство факультета и университета, но в письмах Б. Пастернаку, которые аутентичны описываемым событиям, отражена и другая причина — страх перед будущим:³⁹ в тяжелые послевоенные годы она не могла себе позволить лишиться стабильного источника дохода. Кроме того, О. М. Фрейденберг по праву ощущала себя организатором кафедры, внесшей большой вклад в воссоздание классической филологии в ЛГУ, поэтому эмоционально ей трудно было отказаться от своего детища.

³⁴ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 24 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 157. Folder 1. [Л. 10].

³⁵ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 24 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 157. Folder 1. [Л. 13].

³⁶ Любарский 2004, 54.

³⁷ Пожизненная привязанность 2000, 283.

³⁸ Брагинская 2017, 29.

³⁹ Пожизненная привязанность 2000, 290.

Так или иначе, но педагогическая деятельность в послевоенное время не приносила ей удовлетворение — сама атмосфера на факультете и студенческая аудитория, по словам Фрейденберг, изменились:

«У меня было абстрактное желание раз навсегда отговорить все свои мысли, все свои заметки; прочесть специальный курс об античном литературном процессе в целом; застенографировать; и знать, что конец. В самом деле: о Гомере у меня было многое сделано, многое препарировано, и я могла бы до бесконечности читать, с Илиадой в руках, как бы все, что только интересно для меня в науке; о гимнах я имела ряд работ; Гезиод мной сделан; лирика, Сафо, Пиндар — моя последняя часть жизни; драма — это метрополия моей науки; эллинизм, роман, утопия — мое прошлое; паллиата и римская лирика — мое настоящее. Я имела право взяться за весь курс в целом. [...] Если б я жила в нормальной стране, меня воодушевила бы возможность читать хорошим студентам. [...] Но в университете концлагеря все доброе фатально перерождалось в дурное.

Студенты воспитывались в любви к умственным турнирам. Они охотно слушали что угодно, но не верили ничему. Аудитория состояла почти вся из молоденьких девушек. Мне предстояло, в умственном отношении, “об игре трагических страстей повествовать еще не жившим”. Напрячь последние остатки своих сил, положить уйму труда, чтоб девочкам преподавать! Этим детям — науку, в ее самых высоких пластах! Показать новое тем, кто не знает старого! И кто еще не понимает, в чем разница и борьба между точками зрения, в чем обоснование нового, и блеск, и сила, и будущее!»⁴⁰

О. М. Фрейденберг пишет и о сильном изменении морального облика студенчества:

«Студенты пили водку, крали друг у друга, развратничали. Они были перетасованы с тайными агентами. Их учили выслеживать и доносить... Студентам и школьникам давали учебу в количестве, явно превышавшем возможности мозга. Голодные, изнуренные, они кончали болезнями, самоубийствами (один студент-восточник повесился, приколов к груди продовольственную карточку, как рассказывала Флитнер⁴¹), пьянством, развратом. Пили в общежитиях так, что даже девушки пропитывали вату спиртом и вдыхали его. Грубые, невоспитанные студентки веселой гурьбой, в локонах и шолке поверх немытого тела, выбегали на улицу, толкали в дверях локтями, осаждали трамвай».⁴²

Конечно, такая субъективная картина, нарисованная исключительно в черных тонах, стала следствием тех жизненных трудностей и распрей, которые пережила автор в последние пять лет заведования кафедрой, однако отрицать некоторые обозначенные изменения в среде учащихся в связи с пережитыми событиями войны не приходится. При этом отметим, что объективно условия для развития классической филологии в Советском Союзе претерпели изменение в лучшую сторону. С 1944 г. министерством просвещения взят курс на подготовку учителей латинского языка для средних школ, что привело к росту количественного состава сту-

⁴⁰ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 29 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 157. Folder 4. [Л. 1 об.-3].

⁴¹ Флитнер Наталья Давидовна (1879–1957) — историк-востоковед; научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа в 1919–1950-х гг.; преподавала на кафедре Древнего Востока ЛГУ.

⁴² Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 23 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 157. Folder 1. [Л. 20 об.-21].

денческой аудитории на кафедре. В 1944 и 1945 гг. на первый курс классического отделения ЛГУ министерством установлен контингент в 30 человек.⁴³ В отчете за 1-е полугодие 1946/1947 учебного года приводится общая цифра обучающихся на кафедре — 60 человек, из них первокурсников — 30.⁴⁴

В 1944–1946 гг. О. М. Фрейденберг была озабочена также и получением ученых степеней своими ученицами. Война отсрочила диспуты тех, кто поступил в аспирантуру в 1937–1938 гг., но вскоре после окончания войны на защиту были поставлены сразу три диссертации выпускниц кафедры: С. В. Поляковой («Семантика образности античного исторического эпоса», 1945), Б. Л. Галеркиной («Агон в структуре греческой трагедии», 1946) и Н. В. Вулих («Поэзия Катулла (интерпретации и стилистические наблюдения)», 1946). Это были первые в Ленинграде защиты кандидатских диссертаций филологов-классиков, прошедших полный курс советского университета. Последние два из названных диспутов, состоявшиеся 16 мая, закончились настоящим скандалом. Сохранившиеся отзывы на диссертации свидетельствуют о столкновении двух традиций: традиционного понимания задач классической филологии и представлений О. М. Фрейденберг, которая руководила работами С. В. Поляковой и Б. Л. Галеркиной. И. М. Тронский курировал Н. В. Вулих. Б. В. Казанский, выступивший первым оппонентом на защите Б. Л. Галеркиной, высказал убеждение в том, что начинающие исследователи не могут разрабатывать слишком широкие «палеонтологические» темы и поднимать глобальные теоретические вопросы, отходя в своих штудиях далеко от изучаемого текста. По его словам, «молодой филолог непременно должен заявить о себе именно как филолог, т. е. в данном случае на почве классической филологии, и только после этого — в порядке перевыполнения задачи — позволить себе углубиться в подземные недра».⁴⁵

Действительно, Б. Л. Галеркина пришла к выводу, что агон выполнял в трагедии особую конструктивную функцию, означая не просто словесную борьбу, но противоборство двух диаметрально противоположных действующих лиц и их сторонников, и занимал строго определенное место между жертвоприношением и песнями хвалы или хулы. При этом, по ее мнению, один из антагонистов может быть пассивен, что свидетельствует о более архаичной структуре обряда, чем тот, который лежит в основе комедии с двумя активными противниками.⁴⁶ Б. В. Казанский и М. Е. Сергеенко (второй оппонент) выразили несогласие с такими выводами, заявив о невозможности их доказать на конкретном материале трагедий, но в заключении не возражали против присуждения Б. Л. Галеркиной искомой степени. Не вдаваясь в подробный разбор всего происходившего на диспуте, отметим, что на нем наблюдалось противостояние двух подходов к классической филологии, которые охарактеризованы выше.

В целом диссертации произвели впечатление наспех выполненных работ. Данное обстоятельство вполне объяснимо материальным фактором. Как можно более скорая защита была в интересах соискателей: в послевоенное время кандидаты и доктора наук, помимо приличной надбавки к заработной плате, получали особые

⁴³ ЦГАМ. Ф. Р-586. Оп. 1. Д. 163. Л. 1.

⁴⁴ Надэль 1947, 216.

⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1959. Л. 18–18 об.

⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1959. Л. 5–15 об.

карточки, которые могли отоварить в специальном «лимитном» магазине.⁴⁷ «Неостепенные» же преподаватели испытывали серьезные бытовые трудности, о чем можно судить по переписке 1946 г. супругов С. Р. и О. А. Гутанов. О. А. Гутан работала на кафедре классической филологии в это время ассистентом. Муж ежемесячно высылал из Челябинска деньги на пропитание и советовал, например, летом закупить дрова на зиму, чтобы сэкономить.⁴⁸ О. М. Фрейденберг, перенесшая голод и разного рода бытовые трудности в годы блокады, прекрасно понимала положение, в котором оказались ее неостепенные подопечные и стремилась максимально ускорить их выход на защиту диссертации. С. В. Полякова, вернувшись из Москвы в Ленинград после снятия блокады и реэвакуации университета в 1944 г., «сразу села за диссертацию». О. М. Фрейденберг пишет: «Я этого требовала. Тему, прогноз, метод ей дала ввиду особой спешки».⁴⁹

В письме Б. В. Казанскому от 20 января 1946 г. О. М. Фрейденберг, обращаясь с «дружеской просьбой», просит коллегу о снисхождении к кандидатской диссертации Б. Л. Галеркиной и поторопиться с написанием отзыва: «Речь идет о поддержке молодой, пусть и несовершенной, но такой работы, в которой чувствуется способность к научному дыханию... Вы сейчас не найдете такого педанта, которых подходил бы к защите с позиций абсолюта. *Это формальность* [курсив мой. — А. С.]. Как можно в этих условиях забывать, что муж Галеркиной погиб на войне, оставив ей ребенка... Но и морально она изныла».⁵⁰ Научный руководитель, по сути, признается, что диссертация ее подопечной далека от совершенства и объясняет это моральным упадком автора.

О. М. Фрейденберг была щедра для своих учеников на новые идеи, гипотезы, формулировала им и предварительные выводы, но, как признается Б. Л. Галеркина, «идей и мыслей — море, но как из этого делают работу — по-прежнему [речь идет о 1944 г. — А. С.] не знала. Технология написания диссертации так расплывчата для меня...».⁵¹ При этом она, преданная ученица О. М. Фрейденберг, отмечала различия в работе с аспирантами И. М. Тронского и своей наставницы (это сравнение представлено не напрямую, но становится понятным по контексту мемуаров): первый из них «помогает своим ученикам делать их работы приемлемыми, филологически точными. Он все понимает, но делает только то, что нужно».⁵² В низком качестве диссертаций признавалась и сама заведующая кафедрой: «Наши аспиранты, высиживаемые в сталинском инкубаторе, настолько несамостоятельны, что они считают себя изобретателями того, чем их начиняют натаскиватели».⁵³ В письме Б. Пастернаку от 11 ноября 1946 г. она напишет: «Ученики подражают и утрируют».⁵⁴

⁴⁷ Подробнее о значительном улучшении материального положения ученых сразу после войны см.: Дружинин 2012, 211–223.

⁴⁸ См., напр.: ОР РНБ. Ф. 1444. Д. 23. Л. 1., 2 об. и т. д.

⁴⁹ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 29 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 157. Folder 4. [Л. 24].

⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 1393. Д. 766. Л. 2–2 об.

⁵¹ Галеркина 1998, 374.

⁵² Галеркина 1998, 373.

⁵³ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 26 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 157. Folder 2. [Л. 15].

⁵⁴ Пожизненная привязанность 2000, 290.

Поэтому спешка, с которой выполнялись квалификационные работы, не могла не сказаться на их качестве, что отмечали и оппоненты — представители старой историко-филологической школы. С. Я. Лурье, делая отзыв на работу Н. В. Вулих, в свойственной ему манере вообще откровенно насмехался над соискателем.⁵⁵ Поэтому трудно согласиться с мнением, что «защиты диссертаций С. В. Поляковой и Б. Л. Галеркиной стали поводом открытой борьбы группировок на кафедре и сведением личных счетов. Качество работ соискателей не имело значения».⁵⁶ Критика диссертаций на заседании совета лежала именно в профессиональной плоскости: оценивалась как концептуальная составляющая, так и филологический анализ изучаемых текстов. Приведем выборочно несколько тезисов из отзыва Б. В. Казанского: «...связь агона с жертвоприношением не прослежена и не объяснена по существу... Не проанализирована также и роль вестника. Очень бегло очерчена роль хора. Оба этих вопроса требуют пересмотра по существу и проработать их на конкретном материале сохранившихся трагедий было бы очень полезно и для диссертанта и для задачи, которую она себе ставит... Неверно утверждение, что хор знает о предстоящей гибели Этеокла и потому убеждает его не вступать в единоборство с братом... Нельзя делать какие-нибудь заключения из того, что хор, выражая свои надежды или опасения, говорит о будущем времени. Нельзя также видеть в положительном наклонении молитв и просьб хора выражение “императивности, предваряющей результат агона”. Повелительное наклонение тут обусловлено грамматикой и ничего “особо примечательного” тут нет».⁵⁷ Но главная претензия оппонента состояла в том, что Б. Л. Галеркина совершенно некритически воспринимает идею Д. Мерре, что в основе трагедии лежит обрядность, связанная с представлением об умирающем и воскресающем боге («демоне природы»), между тем как сам Мерре «излагает свою гипотезу очень суммарно, сильно упрощая дело и далеко не углубляясь в сложную проблему возникновения и становления трагедии».⁵⁸

Несмотря на всю скандальность обеих защит, искомые степени все же были присуждены большинством голосов членов ученого совета. На исходе диспутов могло сказаться противостояние И. М. Тронского и О. М. Фрейденберг, имевшее, помимо профессиональной подоплеки (разность подходов), и субъективную причину. После возвращения университета из Саратова в Ленинград кафедру снова возглавила О. М. Фрейденберг, а не И. М. Тронский (как в годы эвакуации). Но тактически верная постановка защит Б. Л. Галеркиной и Н. В. Вулих в один день не позволила этому конфликту отразиться на исходе голосования.

Таким образом, в основе конфликтов на кафедре в изучаемое время первостепенное значение имел не личностный фактор, а именно научный и профессиональный — различие взглядов на задачи науки о текстах классической древности. На эти противоречия во второй половине 1940-х гг. наложились различные идеологические кампании, следствием чего стало отстранение О. М. Фрейденберг от заведования кафедрой⁵⁹ и наступление нового периода в истории классической филологии в Ленинграде.

⁵⁵ Его отзыв пестрит такими фразами, как «автор вовсе не заметил», «автор совершенно не коснулся», «автор совершенно недооценил» и т. п. (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1956. Л. 8–9).

⁵⁶ Пожизненная привязанность 2000, 409.

⁵⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1959. Л. 23–23 об.

⁵⁸ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1959. Л. 22–23 об.

⁵⁹ Этот вопрос довольно подробно освещен в: Дружинин 2012.

Литература

- Ботвинник М. Н. Иван Иванович Толстой и его время. В сб.: И. П. Суздальская, Н. М. Ботвинник (ред.) *Памяти Марка Наумовича Ботвинника*. СПб., Обществ. правозащитная организация «Гражданский контроль», 1997, 95–105.
- Брагинская Н. В. У меня не жизнь, а биография. *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»* 2017, 4 (25), 11–38.
- Галеркина Б. Л. Минувшее — сегодня / Судьбы филологов: Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955). *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры* 1998, 2, 4, 353–433.
- Дружинин П. А. *Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование*. Т. 1. М., НЛО, 2012.
- Костенко (Глазырина) Н. Ю. Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых: по материалам личного архива проф. О. М. Фрейденберг: <http://freidenberg.ru/Issledovaniya/Diplom/Glava1/2> (дата обращения: 15.12.2021)
- Клейнер Ю. А. Труды и дни Якова Николаевича Любарского. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 2017, XV, 274–303.
- Любарский Я. Н. Кафедра в послевоенные годы. *Philologia classica* 2004, 6, 52–57.
- Надэль Б. И. Кафедра классической филологии Ленинградского государственного ордена Ленина университета в 1-м полугодии 1946–1947 уч. года [Хроника]. *Вестник древней истории* 1947, 2, 215–216.
- Отчет о деятельности за 1940 г. Ленинградский государственный университет*. Л., Ленингр. гос. ун-т, 1941.
- Пастернак Б. Л. *Пожизненная привязанность. Переписка с О. М. Фрейденберг*. Е. В. и Е. Б. Пастернаки (ред.) М., АРТ-ФЛЕКС, 2000.
- Фрейденберг О. М. Кафедра классической филологии: материалы к 120-летию университета. В сб.: *Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы к истории факультета*. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2000, 105–109.
- Шофман А. С. Не угаснет огонь Прометея (Из истории советского антиковедения). *Мир историка: историографический сборник* 2009, 5, 369–410.

The LSU Department of Classics in the Pre-War and Post-War Period

Artyom M. Skvortsov

S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (St Petersburg Branch), 5, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; artyom-skvorcov@yandex.ru

For citation: Skvortsov A. M. The LSU Department of Classics in the Pre-War and Post-War Period. *Philologia Classica* 2022, 17 (1), 159–172. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2021.113> (In Russian)

This article analyzes the history of the Department of Classical Philology at Leningrad University from 1938 to 1946, except when the department was evacuated to Saratov during the Blockade of Leningrad. Documentation from the archival collections (the Central State Archive of St. Petersburg and the Joint Archive of St. Petersburg State University) and memoirs (mainly those of O. M. Freidenberg) were used. The study of the curriculum of the department, introduced in 1938, allowed us to draw a conclusion about the comprehensive historical-philological training of students, which had its roots in the pre-revolutionary times. It has been established that the policy of the head of the department, O. M. Freidenberg, of promoting young personnel in the department (with the handover of courses to them, not always rationally justified, in the main department) contributed to a conflict situation which led to a public discussion in May 1946 at the academic council of the department she headed. This meeting should not be categorized as an ideological campaign: it was based on professional disagreement. The scandalous nature of B. L. Galerкина's and N. V. Vulich's defense was due not so much to personal motives as to scientific differences in the views on the tasks of classical

philology between O. M. Freidenberg and representatives of the “old” school. Dissertations turned out to be hastily done, the reason for which was the material factor.

Keywords: history of classical philology, department of Classical Philology of Leningrad State University, higher education in the USSR, Philological Faculty of Leningrad State University.

References

- Botvinnik M. N. Ivan Ivanovich Tolstoy and his time, in: I. P. Suzdal'skaya, N. M. Botvinnik (eds). *Pamiaty Marka Naumovicha Botvinnika*. St Petersburg, Obshchestv. pravozashchitnaya organizatsiya “Grazhdanskii kontrol” Publ., 1997, 95–105 (in Russian).
- Braginskaya N. V. I don't have a life, but a biography. *Vestnik RGGU. Seriya “Istoriia. Filologiya. Kul'turologiia. Vostokovedenie”* 2017, 4 (25), 11–38 (in Russian).
- Druzhinin P. A. *Ideology and philology. Leningrad, 1940s: A documentary study*. T. 1. Moscow, NLO Publ., 2012 (in Russian).
- Freidenberg O. M. Department of Classical Philology: materials to the 120th anniversary of the university, in: *Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy k istorii fakul'teta*. St Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2000, 105–109 (in Russian).
- Galerkina B. L. The Past — today / The fate of philologists: Olga Mikhailovna Freidenberg (1890–1955), *Russian Studies: Ezhekvartal'nik russkoi filologii i kul'tury* 1998, 2, 4, 353–433 (in Russian).
- Kleiner Ya. A. Days and Works of Yakov Nikolaevich Lubarskiy. *Aristei. Vestnik klassicheskoi filologii i antichnoi istorii* 2017, XV, 274–303 (in Russian).
- Kostenko (Glazyrina) N. Yu. Problems of publishing the memoir and epistolary heritage of scientists: based on the materials of the personal archive of Prof. O. M. Freidenberg: <http://freidenberg.ru/Issledovaniya/Diplom/Glava1/2> (accessed: 15.12.2021) (in Russian).
- Lyubarskij Ya. N. The Department in the post-war years. *Philologia classica* 2004, 6, 52–57 (in Russian).
- Nadel' B. I. Department of Classical Philology of Leningrad State Order of Lenin University in the 1st half of the 1946–1947 academic year [Chronicle]. *Vestnik drevnei istorii* 1947, 2, 215–216 (in Russian).
- Pasternak B. L. *Lifelong affection. Correspondence with O. M. Freidenberg*. E. V. and E. B. Pasternak (eds). Moscow, ART-FLEKS Publ., 2000 (in Russian).
- Report on our activities for 1940 z. Leningrad State University*. Leningrad, Leningr. gos. un-t, 1941 (in Russian).
- Shofman A. S. The Promethean Flame will not extinguish (from the history of Soviet classical studies. *Mir istorika: istoriograficheskii sbornik* 2009, 5, 369–410 (in Russian).

Received: 10.12.2021

Accepted: 25.04.2022